

Фотограф: Юрий Штукин/Газета

Газета — 2003 — 13 марта — с. 1

Борис Акунин: “клянусь, следующий роман будет безо всякой дидактики и проповедей”

Последний роман Бориса Акунина только начинает завоевывать сердца читателей и первые места в рейтингах продаж книжных магазинов. Тех, кто еще вовсе не читал «Пелагию и красного петуха», пока значительно больше, нежели тех, кто прочел первый том вышедшего двухтомника, не говоря уже о тех, кто прочел роман целиком. Как бы то ни было, последняя часть трилогии о монахине-сыщице остается в центре внимания читающей общности. Борис Акунин говорит о «Пелагии и красном петухе», отвечая на вопросы Газеты.

Действие последнего романа разворачивается не только в России, но и в Святой земле. Это другая почва — стилизационная, в частности. На что вы опирались в данном случае, на какую литературу? Или, может быть, на собственные современные впечатления?

Разумеется, я пролопатил груды литературы, консультировался со специалистами, дважды ездил смотреть на натуру. Я должен был видеть то, что описываю. И увидел.

«Пелагия и красный петух» странным образом «рифмуется» с книгой (первой, прежде всего) Солженицына «Двести лет вместе». Почему вдруг вы обратились к этой теме?

К какой «этой»? Национальной? Русско-еврейской? Для меня это не тема. Александр Исаевич делит наших соотечественников по национальному признаку, мне же эта отличительная особенность важной не кажется. Если имеется в виду то, что в этом романе у меня много евреев, так это естественно — сюжет-то крутится вокруг Палестины. Меня давно интересовала эта земля, в которой я никогда прежде не был. Я, собственно, и Пелагию туда отправил для того, чтобы у меня был повод увидеть все собственными глазами.

Не превратился ли в результате роман из детektива в «утопию» политкорrekтности?

Конечно, эта книга только прикидывается детективом (не очень-то и стараясь), но политкорrekтность тут ни при чем. Какая политкорrekтность, если у меня там появляются и монструозные гомосексуалисты, и нехорошие евреи, и еще черт знает кто? Не то чтобы я, впрочем, был противником политкорrekтности. У нас ее пинает всякий, кому не лень, а мне кажется, что нашему обществу она очень бы не помешала.

Некоторый дидактизм, довольно внятно звучащий уже во «Внеклассном чтении», в последнем романе, кажется, выражен еще сильнее. Это тоже намеренность? Скорее влияние материала. Во «Внеклассном чтении» я подпал под очарование нравоучительной прозы XVIII века. В «Красном петухе» — еще более мощное притяжение Священного Писания. Клянусь, следующий роман будет безо всякой дидактики и проповедей. Хочу теперь написать настоящий авантюрный экшн, вложив в него все, чему за эти годы научился.

Будет ли экранизирована трилогия о Пелагии, и если да, то как скоро?

Об этом лучше спросить у канала ТВС. Я стал гораздо меньше интересоваться экранизациями. Сценариев больше не пишу, из-за задержек не расстраиваюсь. Понял, что влияние автора на экранизационный процесс близко к нулю. Единственное, что могу обещать: я не позволю снимать мою «Пелагию» на нищенский бюджет. Это должно быть добротное, фактурное кино. Конечно, деньги — не гарантия высокого качества, но без них исторический сериал обречен на жалкую участь.

В названии романа явно заложена метафора: красный петух — огонь; однако она никак не обыгрывается сюжетно. Учитывался ли изначально этот метафорический смысл?

Нет, так же как и все прочие привычные идиомы, ассоциации и аллюзии, связанные со словами «красный» и «петух». «Красный петух» для меня — символ чего-то совсем иного. В романе про это есть.